

Рынки, не капитализм

Введение

26 октября 2015 г.

Оглавление

Введение	4
Форма рынка	5
Традиция рыночного анархизма	8
Естественная среда обитания рыночного анархиста	11
Примечания:	13

Индивидуалистическая анархистская тенденция жива и здорова. Книга «Рынки, не капитализм» открывает окно в историю этого течения и подчеркивает его потенциальный вклад в глобальное антикапиталистическое движение. В этой книге мы стремимся стимулировать процветающую дискуссию между либертарианцами всех сортов, а также теми, кто придерживается других политических взглядов, о наиболее плодотворном пути к освобождению человека. Мы уверены, что идеи индивидуалистического анархизма об освободительном потенциале рынков без капитализма может обогатить этот разговор, и мы призываем вас присоединиться к нему.

Введение

Рыночные анархисты верят в рыночный обмен, а не в экономические привилегии. Они верят в свободные рынки, а не в капитализм. *Анархистами* их делает вера в полностью *свободное и консенсусное общество* — общество, в котором порядок достигается не с помощью юридической силы или государства, а путем свободных соглашений и добровольного сотрудничества на основе равенства. Что делает их *рыночными* анархистами, так это признание свободного рыночного обмена в качестве жизненно важной среды для мирного анархического общественного порядка. Но рынки, которые они представляют себе, не похожи на «рынки» с привилегиями, какие мы видим вокруг нас сегодня.

Рынки, работающие при правительстве и капитализме, пронизаны постоянной бедностью, разрушением окружающей среды, радикальным неравенством богатства и концентрацией власти в руках корпораций, боссов и арендодателей. Общепринятое мнение состоит в том, что эксплуатация — будь то людей или природы — это просто естественный результат того, что рынки оставлены без присмотра. Оно также гласит, что частная собственность, конкурентное давление и стремление к прибыли — хорошо это или плохо — неизбежно ведут к капиталистическому наемному труду, концентрации богатства и социальной власти в руках избранного класса или к деловой практике, основанной на росте любой ценой и победе сильнейшего.

Рыночные анархисты не согласны с этим. Они утверждают, что экономические привилегии являются реальной и широко распространенной социальной проблемой, но эта проблема не является проблемой частной собственности, конкуренции или прибыли *как таковой*. Это проблема не *формы рынков*, а их *деформации*. И они деформированы длинной тенью исторической несправедливости и продолжающимся, непрерывным осуществлением законных привилегий от имени капитала.

Рыночная анархистская традиция является радикально прорыночной и антикапиталистической, что отражает ее постоянную обеспокоенность глубоко *политическим* характером корпоративной власти, зависимостью экономических элит от толерантности или активной поддержки со стороны государства, непроницаемыми барьерами между политическими и экономическими элитами и культурная укорененность иерархий, установленных и поддерживаемых государством, совершаемым и санкционированным государством насилием.

Форма рынка

Эта книга задумана как расширенное введение в экономическую и социальную теорию левого рыночного анархизма. Рыночный анархизм — радикально индивидуалистическое и антикапиталистическое общественное движение. Как и другие анархисты, рыночные анархисты являются радикальными сторонниками индивидуальной свободы и взаимного согласия во всех аспектах общественной жизни, отвергая, таким образом, все формы господства и правительства как посягательства на свободу и посягательство на человеческое достоинство.

Отличительным вкладом рыночных анархистов в анархистскую мысль является их анализ рыночной формы как основного компонента полностью свободного и равноправного общества, их понимание революционных возможностей, присущих рыночным отношениям, освобожденным от правительства и капиталистических привилегий. И их понимание структур политических привилегий и контроля, которые деформируют реально существующие рынки и поддерживают эксплуатацию, несмотря на естественные уравнивающие тенденции рыночных процессов.

Поскольку они настаивают на столь резком различии между формой рынка как таковой и экономическими особенностями реально существующего капитализма, важно тщательно различать ключевые черты рынков, как их понимают рыночные анархисты. Социальные отношения, которые рыночные анархисты открыто защищают и надеются освободить от всех форм государственного контроля, основаны на:

1. собственности на имущество, особенно *децентрализованной индивидуальной* собственности, не только на личное имущество, но и на землю, дома, природные ресурсы, инструменты и средства производства;

2. контракте и добровольном обмене товарами и услугами между отдельными лицами или группами в расчете на взаимную выгоду;

3. свободной конкуренции между всеми покупателями и продавцами — по цене, качеству и иным аспектам обмена — без *предварительных* ограничений или обременительных входных барьеров;

4. открытии предпринимательских талантов, предпринятом не только для того, чтобы конкурировать на существующих рынках, но и для того, чтобы открывать и развивать новые возможности для получения экономической или социальной выгоды; и

5. спонтанном порядке, признанном в качестве значительной и позитивной координирующей силы, в котором децентрализованные переговоры, обмены и предпринимательство сходятся для создания крупномасштабной координации без или *за пределами возможностей* каких-либо преднамеренных планов или четких общих схем социального или экономического развития.

Рыночные анархисты не ограничивают собственность владением, общей или коллективной собственностью, хотя и не исключают эти виды собственности; они настаивают на важности контракта и рыночного обмена, а также на мотивированной прибылью свободной конкуренции и предпринимательстве; и они не только допускают, но и приветствуют незапланированную, спонтанную координацию, которую марксисты высмеивают как «социальную анархию производства».

Но левые рыночные анархисты также являются радикальными антикапиталистами и абсолютно отвергают убеждение — общее как для антирыночных левых, так и для прокапиталистических правых — что эти пять особенностей рыночной формы должны предполагать социальный порядок боссов, арендодателей, централизованных корпораций, классовой эксплуатации, беспощадных деловых отношений, обнищавших рабочих, структурной бедности или крупномасштабного экономического неравенства. Вместо этого они настаивают на пяти отличительных позициях в отношении рынка, свободы и привилегий:

☒ **Центробежная тенденция рынков:** рыночные анархисты считают, что свободные рынки в условиях свободной конкуренции имеют тенденцию *рассеивать* богатство и *растворять* состояния — с центробежным эффектом на доходы, права собственности, землю и доступ к капиталу — вместо того, чтобы концентрировать их в руках социально-экономической элиты. Рыночные анархисты не признают никаких ограничений *де-юре* на размер или вид богатства, которое может накопить один человек; но они считают, что рыночные и социальные реалии будут оказывать гораздо более жесткое давление *де-факто* против массового неравенства богатства, чем это можно сделать с помощью любых ограничений *де-юре*.

☒ **Радикальные возможности рыночного социального активизма:** рыночные анархисты также рассматривают освобожденные рынки не только как пространство для коммерции, ориентированной на прибыль, но и как пространство для социальных экспериментов и упорного низового активизма. Они предполагают, что «рыночные силы» включают в себя не только стремление к узкой финансовой выгоде или максимизации прибыли для инвесторов, но и призыв к солидарности, взаимности и стабильности. «Рыночные процессы» могут — и должны — включать тщательные, скоординированные усилия по повышению сознательности, изменению экономического поведения и решению вопросов экономического равенства и социальной справедливости посредством ненасильственных прямых действий.

☒ **Отказ от государственных экономических отношений:** рыночные анархисты резко разграничивают защиту рыночной формы и апологику реально существующего распределения богатства и классового разделения, поскольку они возникли не в результате ничем не ограниченного рынка, а скорее из-за управляемых, регламентированных и лишенных привилегий рынков, которые существуют сегодня; они рассматривают реально существующее распределение богатства и классовое неравенство как серьезные и реальные социальные проблемы, но не как проблемы самой рыночной формы; это не проблемы *рынка*, а проблемы *собственности* и *координации*.

☒ **Регрессивность регулирования:** рыночные анархисты рассматривают проблемы координации — проблемы с неестественным, разрушительным, политически навязанным вмешательством в свободное функционирование обмена и конкурен-

ции — как результат постоянных, непрекращающихся юридических привилегий для действующих капиталистов и других устоявшихся экономических интересов, навязанных в ущерб мелким конкурентам и рабочему классу.

✘ **Лишение собственности и исправление:** рыночные анархисты считают экономические привилегии отчасти результатом серьезных *проблем собственности* — проблем с неестественным, разрушительным, политически навязанным и неправильным распределением прав собственности, порожденных историей политического лишения собственности и экспроприации, совершенной во всем мире посредством войны, колониализма, сегрегации, национализации и клептократии. Рынки не рассматриваются как максимально свободные, пока они омрачены тенью массового грабежа или отрицания права собственности; стоит подчеркнуть важность разумного исправления прошлой несправедливости — включая низовые, антикорпоративные, антинеолиберальные подходы к «приватизации» контролируемых государством ресурсов; процессам возмещения ущерба определенным жертвам несправедливости; и революционной экспроприации собственности, на которую мошеннически претендуют государство и монополисты с государственным титулом.

Традиция рыночного анархизма

Ранние мыслители анархизма, такие как Джосайя Уоррен и Пьер-Жозеф Прудон, подчеркивали положительные, социально гармонизирующие черты рыночных отношений, когда они осуществляются в контексте равенства — например, Прудон писал, что социальная революция отменит «систему законов» и «принцип власти», чтобы заменить их «системой контрактов» [1].

Опираясь на использование Уорреном и Прудоном договора и обмена для моделей взаимопомощи, отдельные направления рыночного анархизма неоднократно возникали в рамках широкой анархистской традиции, прерываясь кризисами, крахами, затишьями и возрождениями. История сложна, но ее можно условно разделить на три основных периода, представленных в данном тексте — «первая волна», представленная в основном «анархистами-индивидуалистами» и «мютюэлистами», такими как Бенджамин Такер, Вольтарина де Клер и Дайер Лам, и занимающая примерно период от Гражданской войны в Америке до 1917 года [2]; «вторая волна», совпадающая с радикализацией ранее прокапиталистических американских либертарианцев и возрождением анархизма как семейства социальных движений во время радикализма 1960-х и 1970-х годов; и «третья волна», развивающаяся как диссидентское направление в анархистской среде 1990-х годов и постсиэтлском движении нового тысячелетия.

Несмотря на перерывы и различия, каждая волна, как правило, возрождала литературу предыдущих волн и явно использовала их темы; в целом, их объединяет защита рыночных отношений и особый акцент на революционных возможностях, присущих рыночной форме, когда она — в той мере, в какой это возможно — освобождается от правовых и социальных институтов привилегий.

Антикапитализм индивидуалистов «первой волны» был очевиден как для них самих, так и для многих их современников. Бенджамин Такер в свое время утверждал, что власть корпоративной элиты обеспечивается четырьмя монополиями, или кластерами гарантированных государством привилегий: патентной монополией, эффективной монополией, созданной в результате распределения государством произвольно захваченных земель среди политически привилегированных лиц и защиты несправедливых прав собственности на землю, денежной и кредитной монополией и привилегиями, предоставленными тарифами.

Экономически влиятельные люди зависели от этих монополий; достаточно уничтожить их, и власть элиты исчезнет.

Такер был предан идее справедливости в отношении рабочих, находящихся в конфликте с современными капиталистами, и он четко отождествлял себя с зарождающимся социалистическим движением. Но он утверждал в противовес Марксу и другим социалистам, что рыночные отношения могут быть плодотворными и

неэксплуататорскими при условии устранения искажающих рынки привилегий, предоставляемых четырьмя монополиями.

Радикализм Такера и его соотечественников, а также порожденного ими направления анархизма, пожалуй, был менее очевиден после распада первой волны, чем для их современников. Возможно, отчасти это объясняется их спорами с представителями других анархистских течений, чья критика их взглядов повлияла на восприятие более поздних анархистов. Это также неизбежно является следствием принадлежности многих их потомков двадцатого века к правому крылу либертарианского движения и, следовательно, к апологетам корпоративной элиты и ее социального господства.

Хотя были и достойные исключения, ориентированные на рынок либертарианцы двадцатого века часто восхваляли корпоративных титанов, игнорировали или рационализировали жестокое обращение к рабочим, а также тривиализировали или принимали экономическую и социальную иерархию. Хотя многие одобряли критику государства и гарантированных им привилегий, предложенную Такером и его соратниками-индивидуалистами, они часто упускали из виду или отвергали выводы классового анализа структурной несправедливости, проведенного ранними индивидуалистами. Короче говоря, в начале-середине двадцатого века было мало ярых приверженцев антикапитализма индивидуалистов прошлого.

Наиболее радикальная часть рыночно-ориентированного направления либертарианского движения, представленная такими мыслителями, как Мюррей Ротбард и Рой Чайлдс, в целом придерживалась не антикапиталистической экономики индивидуализма и мютюэлизма, а позиции, которую ее сторонники называли «анархо-капитализмом». Будущее свободное общество, которое они представляли себе, должно было быть рыночным обществом — но таким, в котором рыночные отношения мало чем отличались от обычного бизнеса, а конец государственного контроля представлялся как освобождение бизнеса от необходимости делать многое из того, что он делал раньше, а не высвобождение конкурирующих форм экономической организации, которые могут радикально изменить рыночные формы вверх дном.

Но во «второй волне» 1960-х годов семейство анархистских общественных движений, возрожденных антиавторитарными и контркультурными направлениями новых левых, а также антивоенные радикалы среди либертарианцев начали заново открывать и переиздавать работы мютюэлистов и индивидуалистов. «Анархо-капиталисты», такие, как Ротбард и Чайлдс, начали ставить под сомнение исторический союз либертарианства с правыми и отказываться от защиты крупного бизнеса и реально существующего капитализма в пользу более последовательного левого рыночного анархизма. Возможно, самым ярким и драматичным примером стало принятие Карлом Хессом радикализма новых левых и его отказ от «капиталистической» экономики в пользу малых, общинных, некапиталистических рынков. К 1975 году он заявил: *«Я потерял веру в капитализм. Я сопротивляюсь этому капиталистическому национальному государству»*, отметив, что он *«отвернулся от религии капитализма»* [3].

За «второй волной» последовал спад, как для анархизма в целом, так и для рыночного анархизма в частности. К концу 1970-х и в 1980-х годах антикапиталистическая тенденция среди рыночно ориентированных либертарианцев в значительной сте-

пени рассеялась или была перечеркнута прокапиталистической политикой хорошо финансируемых «либертарианских» институтов, таких как *Институт Катона* и руководство *Либертарианской партии*. Но с окончанием холодной войны, перестройкой давних политических коалиций и публичным выходом в свет анархистского движения третьей волны в 1990-х годах были созданы интеллектуальные и социальные условия для сегодняшнего возрождения антикапиталистического рыночного анархизма.

К началу XXI века антикапиталистические потомки индивидуалистов выросли в количестве, влиянии и известности. Они разделяли убежденность первых индивидуалистов в том, что рынки в принципе не должны быть эксплуататорскими. В то же время они разрабатывали и отстаивали характерно либертарианскую версию классового анализа, которая расширяла список монополий Такера и подчеркивала пересечение гарантированных государством привилегий с систематическим прошлым и текущим бесправием, а также с целым рядом вопросов экологии, культуры и межличностных отношений власти.

Они подчеркивали тот факт, что, хотя подлинно *свободные* рынки могут расширять возможности, рыночные сделки, происходящие в условиях, искаженных прошлой и текущей несправедливостью, как не удивительно, являются изнуряющими и угнетающими. Но проблема, настаивали новые индивидуалисты (как и их предшественники), заключается не в рынках, а скорее в капитализме — в социальном доминировании экономических элит, поддерживаемых государством. Решение, таким образом, заключалось в отмене *капитализма* путем ликвидации правовых привилегий, включая привилегии, необходимые для защиты прав собственности на украденные и захваченные активы.

Новые индивидуалисты в равной степени критикуют как явно статистских консерваторов и прогрессистов, так и рыночно ориентированных либертарианцев справа, которые используют риторику свободы для узаконивания корпоративных привилегий. Их агрессивная критика такого рода «вульгарного либертарианства» подчеркивает, что существующие экономические отношения пронизаны несправедливостью сверху донизу и что призывы к свободе могут быть легко использованы для маскировки попыток сохранить свободу элит иметь богатство, приобретенное с помощью допускаемого или совершаемого государством насилия и гарантированных им привилегий.

Естественная среда обитания рыночного анархиста

Эта книга была бы невозможна без Интернета. Читатель книги «*Рынки, не капитализм*» быстро заметит, что многие статьи читаются не так, как главы в обычной книге. Многие из них короткие. Многие из них начинаются в середине диалога — одна из самых частых вступительных фраз: «В одном из последних номеров такого-то издания такой-то и такой-то сказал, что...».

Современные статьи часто изначально появлялись в Интернете, как сообщения в блоге; они часто ссылаются на прошлые сообщения или уже существующие обсуждения, и часто критикуют или дополняют комментарии, сделанные другими авторами в других местах. Несмотря на то, что статьи были переформатированы для печати, многие из них по-прежнему читаются как сообщения в блоге, которыми они когда-то были.

Но это не просто артефакт социальных сетей в Интернете. История индивидуалистической и мутуалистической традиции — это в основном история эфемерных публикаций, недолговечных изданий, самиздатовских памфлетов и небольших радикальных газет. Самым известным из них, безусловно, является *Liberty* Бенджамина Такера (1881–1908), но это также такие издания, как *Twentieth Century* Хью Пентекоста (1888–1898), а также рыночные анархистские журналы «второй волны», такие как *Left and Right* (1965–1968) и *Libertarian Forum* (1969–1984).

Все эти публикации были короткими и выходили часто; их статьи, как правило, были скорее критичными, чем всеобъемлющими, скорее специфическими, чем техническими по подходу и тону. Постоянным источником материала были давние, далеко идущие дебаты между газетами, корреспондентами и окружающим движением; если для некоторых из этих статей не было конкретного собеседника, автор мог, как в статье Клер и Слободинского «Индивидуалист и коммунист: диалог», дойти до того, чтобы выдумать его.

Самое известное произведение «первой волны» — *Instead of a Book, by a Man Too Busy to Write One* Такера (1893 г.) — представляет собой сборник коротких статей из журнала *Liberty*, большинство из которых, очевидно, являются ответами на вопросы и аргументы, написанные его читателями или редакторами журнала. Критический обмен мнениями очень похож на тот, который можно встретить на сайтах Blogger или WordPress — потому что, конечно же, сегодняшний блог — это всего лишь новая технологическая форма, принятая малой независимой прессой.

Независимая, основанная на диалоге малая пресса стала естественной средой для процветания рыночной анархистской литературы — в то время как либеральная и марксистская литература нашла свою наиболее характерную среду обитания в декларациях, манифестах и сложных, всеобъемлющих трактатах. Почему это так —

большой вопрос, который стоит исследовать далеко за рамками данного введения. Однако стоит отметить, что рыночный анархизм более или менее всегда возникал как *критический* и *экспериментальный* проект — на радикальных окраинах социальных движений (будь то движение оуэнитов, движение свободомыслия, рабочее движение, американское рыночно-ориентированное либертарианское движение или движение против глобализации и связанная с ним социальная анархистская среда).

Рыночный анархизм стремится вывести социальные истины не путем догматизации или установления закона, а скорее путем создания максимально возможной свободы взаимодействия идей и социальных сил, путем поиска непредвиденных последствий принятых идей, путем вовлечения в открытый процесс экспериментов и открытий, который позволяет постоянно проверять как идеи, так и институты в сравнении с конкурентами и реальностью.

Революционный анархист и мютюэлист Дайер Д. Лам (1839–1893) писал в книге «Экономика анархии», что определяющей чертой рыночного анархизма является «пластичность» социальных и экономических механизмов в противовес «жесткости» государственного господства или коммунистических экономических концепций.

Содержание идей рыночного анархизма, вероятно, определило *форму*, в которой авторы рыночного анархизма чувствуют себя наиболее комфортно, выражая их. Или, возможно, наоборот, форма написания может быть тем, что часто делает *содержание* возможным: наверное, рыночные анархистские идеи наиболее естественно обретают форму в ходе диалога, а не исследования, в акте критической передачи, а не одностороннего монолога. Ценность спонтанности, исследовательского взаимодействия и жесткости конкурсного испытания может быть столь же важна для формирования рыночных анархистских идей в письменном виде, как и для реализации этих идей в мире в целом.

Если это так, то эти статьи следует читать с осознанием того, что они в определенной степени были вырваны из своей естественной среды. В них есть более длинные, продолжительные разборы тем, которые они затрагивают, но большинство статей изначально были вкладом в давно существующие, продолжающиеся проекты и были написаны в ходе широких дебатов.

Мы собрали их в печатной антологии, чтобы оказать услугу студентам, исследователям и всем тем, кто интересуется альтернативными подходами в экономике свободного рынка и анархистской социальной мысли. Но лучше всего понимать их не как определение конца темы или даже начала, а скорее как приглашение погрузиться *в суть дела*, увидеть левые рыночные анархистские идеи, возникающие в процессе диалога, и принять участие в его продолжении.

Примечания:

1. См. «Organization of Economic Forces», *General Idea of the Revolution in the Nineteenth Century*, гл. 3 (37-58) в этом томе.

2. Четкие различия между «индивидуалистами» и «мютюэлистами» первой волны вряд ли можно обозначить; многие авторы (например, Такер) использовали каждое слово в разное время для обозначения своей собственной позиции. Однако можно выделить несколько различий между теми, кого *чаще всего* называли «индивидуалистами», такими как Такер или Яррос, и теми, кого чаще всего называли «мютюэлистами», такими как Дайер Лам, Кларенс Свартц или европейскими последователи Прудона.

В частности, хотя и те, и другие выступали за эмансипацию рабочих и обеспечение доступа всех рабочих к капиталу, «мютюэлисты», как правило, подчеркивали особую важность кооперативов, принадлежащих рабочим, и прямой собственности рабочих на средства производства, в то время как «индивидуалисты», как правило, подчеркивали, что в условиях равной свободы рабочие придут к тем формам собственности, которые имеют наибольший смысл в данных обстоятельствах.

Осложняет ситуацию то, что в XXI веке «мютюэлизм» ретроспективно используется для обозначения большинства антикапиталистических рыночных анархистов, или, в частности, тех (как Кевин Карсон), кто отличается по так называемой «локковской» позиции в отношении собственности на землю. Кто считает, что собственность на землю может быть основана только на личном владении и использовании, исключая заочное землевладение как нежелательное и недостойное правовой защиты. «Мютюэлисты» в этом смысле термина включают в себя как тех, кого чаще всего называли «индивидуалистами» во время первой волны (например, Такер), так и тех, кого чаще всего называли таковыми (например, Лам).

3. На самом деле, хотя социальные взгляды Хесса, похоже, не претерпели существенных изменений после этих заявлений, он стал менее привержен *языку* антикапитализма; он опубликовал книгу *Capitalism for Kids: Growing Up to Be Your Own Boss* в 1986 году. Нет причин сомневаться в том, что под «капитализмом» Гесс подразумевал то, что современные левые рыночные анархисты имеют в виду, когда говорят о мирном, добровольном обмене в рамках действительно свободного рынка, а не то, что он отвергал в 1975 году. Очевидно, как следует из названия книги, у него не было намерения склонять молодых читателей к карьере корпоративного трутня.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Рынки, не капитализм
Введение
26 октября 2015 г.

c4ss.org

ru.anarchistlibraries.net